

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросительные местоимения, как известно, содержат в себе вопрос о лице, предмете или признаке, не известном говорящему. Согласно характеристике Т.Гивона [1, с. 794], "набор вопросительных местоимений, обнаруживаемых в конкретном языке, имеет тенденцию выражать посредством эксплицитно маркированной морфологии то или иное подмножество из четырех наиболее универсальных словоизменительных категорий. В убывающем порядке к ним можно отнести:

- (а) падеж;
- (б) род/класс;
- (в) число;
- (б) референтность/определенность".

Ср.: *Ам вуж я?* [разг.] 'Он кто (есть)?'; *Гида гьикИда, фирла тамуз, Низ минетда мад, яру яц?* [Е.Э.] 'Как теперь быть, придя в лес, кого просить теперь, рыжий вол?'; *Исятда виридалай иер атир гьим я?* [А.А.] 'Теперь самые хорошие духи какие/которые?' В лезгинском, согласно традиции грамматического описания, насчитывается всего три вопросительных местоимения: *вуж* 'кто', *вуч* 'что', *гьи* 'который'. Несмотря на то, что лезгинский язык утратил категорию класса, можно сказать, что признак (б) рода/класса нашел свое выражение и здесь. Местоимение *вуж* 'кто' выражает вопрос о лице или животном, т.е. об одушевленном денотате, а местоимение *вуч* 'что' - об одушевленном и неодушевленном (ср.: *Ам вуч я? Сев ятIа?* [Н.М.] 'Это что? Вдруг, медведь?'). Вопросительные местоимения в лезгинском языке образуют формы множественного числа: *вуж* 'кто' - *вуж-ар*, *вуч* 'что' - *вуч-ар*, причем специальную форму множественного числа они имеют только в абсолютиве (именительном падеже).

При нейтрализации признака 'одушевленность / неодушевленность' в качестве немаркированного члена оппозиции используется местоимение *вуч*, например: *Вуна квекай фикир ийизва?* 'Ты о чем думаешь?' - *За вакай фикир ийизва* 'Я о тебе думаю'. Местоимение *вуч* употребляется и в тех случаях, когда требуется поставить вопрос о производителе действия (в основном по отношению к насекомым, пресмыкающимся и т.д., но не по отношению к более крупным представителям животного мира или людям), например: *Ву куь класна?* 'Что тебя укусило?' (если ясно, что это укус насекомого, змеи и т.д., но не собаки); *А цлалай физвайди вуч я?* 'Что ползет по той стене?' и т.д. [3, с. 89]. Заметим, что употребление вопросительного местоимения 'что' при нейтрализации по признаку одушевленности/неодушевленности, по-видимому,

можно назвать универсалией, по крайней мере оно зафиксировано во многих языках разных семей (о тенденциях употребления местоимений 'кто' и 'что' для передачи значения одушевленности/неодушевленности и лица/не-лица в разных языках см., например, 2, с. 273-281).

Между тем, количество вопросительных слов далеко не исчерпывается здесь отмеченными выше единицами, включая, помимо собственно местоимений, вопросительные наречия, числительные и прилагательные. Ср.:

- вопросительное наречие места:

Буна гьина кIвалахзавайди я? [Я.Я.] 'Ты где работаешь?';

- вопросительное наречие времени:

Буна чи кьула мус цIай хьийида? [Къ.М.] 'Ты в нашем очаге когда огонь снова разведешь?' *Буна диплом мус кьачузва?* [Я.Я.] 'Ты диплом когда получаешь?'

- вопросительное количественное числительное:

Вун хьтинбур мад шумуд ава? [А.Исм.] 'Сколько еще таких, как ты?';

- вопросительное прилагательное:

Им гьахь авачир гьихьтин дуьнья хьурай? [Я.Я.] 'Без этой правды **какой** (= как что) земля будет?';

Думается, что не имеется серьезных оснований отделять приведенные лексико-грамматические разряды слов от "собственно местоимений".

В то время как в теоретической лингвистике порой все еще встречаются рассуждения о принципиальной невозможности вопросительного глагола, точнее вопросительного "местоглаголия", в дагестановедческой эмпирии уже давно знакомы с таким явлением, когда Тесная связь вопросительного слова с глаголом порой приводит к их слиянию, к образованию вопросительного предиката, ср.: *Ам вич исятда гьинва?* [Я.Я.] 'Он сам сейчас где (**находится**)?'; *Буна ина вучзава?* [Н.А.] 'Ты здесь **что** делаешь?'

Важной характеристикой вопросительного слова является его позиция в предложении. Согласно материалам Т.Гивона [1, с. 800], "межъязыковое распределение позиции вопросительных местоимений отражает до некоторой степени позицию фокусируемого элемента. Весьма сходным образом, как в случае с фокусируемым элементом, наиболее частой для вопросительного местоимения является позиция начала предложения, т.е. выдвинутая вперед".

На наш взгляд, позиция вопросительного слова в предложении определяется, с одной стороны, общими закономерностями структуры коммуникативного акта и, с другой стороны, спецификой грамматического строя данного языка. Это наглядно подтверждается при сопоставлении функционирования вопросительных местоимений в русском и лезгинском языках. Обычная позиция вопросительного слова в русском языке - в начале предложения, ср.:

Где были люди в это время? [И.Б.]; *Зачем же портить бал вспухшим ухом?* [М.Б.]; *Что вы там изучаете, голубчик?* [В.Н.] и т.д.

В лезгинском начальная позиция вопросительного слова также является отмеченной, хотя и не столь частой, ср.: *Низ герек я и дараматар?* [Н.А.] 'Кому нужны эти здания?'; *Вучиз дидедиз куьч жез кІанзавач?* [Н.А.] 'Почему мама переезжать не хочет?'

Обычным же для лезгинского вопросительного предложения, по нашим наблюдениям, можно считать препозицию вопросительного слова к глаголу, ср.: *Сутьгьбет квел куьтягь хьана?* [Н.А.] 'Чем кончилась беседа?'; *Буна гьина кІвалахзавайди я?* [Я.Я.] 'Ты где работаешь?'; *Вун хьтинбур мад шумуд ава?* [А.Исм.] 'Сколько еще таких, как ты?'; *Буна диплом мус къачузва?* [Я.Я.] 'Ты диплом когда получаешь?'

Т.Гивон [1, с. 800-801] предлагает следующее объяснение такого порядка слов: "Исторически очень может быть, что предглагольная модель грузинского типа развилась из паратактической конструкции, в которой нефокусируемые (входящие в пресуппозицию) партиципранты топикализировались". Иными словами, последний пример мог быть получен из структуры типа "Что касается тебя и твоего диплома, когда получаешь?"

Вопросительное слово-определение сохраняет, как правило, свою позицию перед определяемым словом: *Им гьахь авачир гьихьтин дунья хьурай?* [Я.Я.] 'Без этой правды **какой** земля будет?'. Как было продемонстрировано выше, в лезгинском языке существуют достаточно четкие функциональные границы между отдельными группами вопросительных местоимений. Все же в ряде случаев наблюдаются примеры расширения функциональной сферы некоторых из них. Так, вопросительное местоимение *вуч* 'что' может находиться в препозиции к существительному, приобретая определительные функции: *Буна заз вуч жаваб гузва?* [Н.А.] 'Ты мне **какой** ответ даешь?'

Атрибутивная функция данного слова усматривается в следующем примере:

Вун вуч сефил хьанва...? [Л.Х.] 'Ты **почему** (букв. что опечалился?)'

Рассматривая проблему употребления вопросительных местоимений, нельзя не отметить еще один немаловажный ее аспект: возможность одновременного употребления двух местоимений. Как пишет Т.Гивон [1, с. 799], "такая модель используется, когда говорящему не удалось ранее идентифицировать группу из двух и более параллельных событий. Хотя она и является возможной, очевидно, что она не является прототипической".

Функции вопросительных местоимений в лезгинском языке не ограничиваются собственно вопросительными. Так, здесь широко распространены примеры использования вопросительных местоимений в восклицательных предложениях, ср. *Гьар са сят багьа тир вахтунда ваз жгьанвай пише вуч я!* [Н.А.] 'Когда каждый час дорог, ты **какое** дело себе нашел!'; *Я-а, килиг ни заз акьулар гузватІа!* [А.А.] 'А-а, смотри **кто** мне советы дает!'

Впрочем, это явление не относится к уникальным особенностям лезгинской прономинальной системы. Дело в том, что восклицательные пред-

ложения и в других дагестанских языках также включают местоимения и местоименные наречия, наряду с разного рода частицами и т.п., в круг слов, которые придают предложению соответствующую эмоциональную окраску: таб. *Хъа дидин сес фициб дарин!* 'А какой у него голос!'; лак. *Ва ци биябуршивур?!* 'Это что за безобразие?!' (ср. также рус. *И как изменилась подружка моя!*; *Когда б он знал!* и т.п.).

По-видимому, переходный случай представляет собой использование вопросительных местоимений и местоименных слов в эхо-вопросах, вызванных несогласием говорящего с предыдущим высказыванием собеседника, удивлением и т.п. Ср.: - *Им зи иеси чубандин чIур я, - лагъана Келиша. - ГьикI ви иеси чубандин?* (Л.Х.) 'Это луг моего хозяина чабана, - сказал Келиш. **Как твоего** хозяина чабана?'

В данном случае вопросительное наречие теряет свою исконную функциональную характеристику - сигнализировать о том, что говорящему необходима информация о способе действия. Смысл вопросительного слова заключается здесь в передаче негативной эмоции по отношению к предыдущей фразе, к отрицанию ее достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Givon T. Syntax. A Functional-typological Introduction. V. I/John Benjamins publishing company: Amsterdam; Philadelphia, 1984.*
2. *Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.*
3. *Шейхов Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков. Морфология. Махачкала, 1993.*